

КАТЕГОРИЯ «СИЛЫ» ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТОРОВ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН ЗАПАДА

ХИБАРИН Владислав Анатольевич, аспирант кафедры политология и государственная политика Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, адрес: 302028, Россия, г. Орёл, б. Победы, д.5а, e-mail: vlad3689@yandex.ru

Аннотация. Ключевым фактором при изучении динамики мировых политических процессов является баланс сил основных акторов, определяющий стабильность системы политических отношений. *Целью работы* является рассмотрение категории и феномена силы как функции основных ресурсов, которыми располагает национальное государство и его агенты в глобальном обществе, в контексте современных информационных и гибридных войн. *Методология исследования* состоит в сравнительном политологическом анализе различных видов и форм силы политического актора. Рассматриваются отношения и связи «жесткой силы» (hard power), «мягкой силы» (soft power), «острой силы» (sharp power) и «умной силы» (smart power) с политикой интересов и политикой ценностей. *Как результат исследования*, автором выявлены основные тенденции проявления политики силы, сложившиеся в мировых процессах после завершения холодной войны, а также обосновано представление об информационной войне как технологии «острой силы» и гибридной войне как технологии «умной силы».

Ключевые слова: гибридная война, «жесткая сила», информационная война, категория силы, «мягкая сила», «острая сила», политика интересов, политика ценностей, «умная сила».

THE CATEGORY OF POWER OF POLITICAL ACTORS IN THE CONTEXT
OF THE INFORMATION WARFARE OF THE WEST

KHIBARIN V. A., Postgraduate student at the Department of Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA (Russian Federation, Orel), e-mail: vlad3689@yandex.ru

Abstract. The key factor in studying the dynamics of world political processes is to determine the «balance of power» of the main actors, which determines the stability of the system of political relations. The purpose of the study is to consider the category and phenomenon of «power» as a function of the main resources that the nation-state and its agents in the global society have at their disposal, in the context of modern information-ideological and hybrid wars. The research methodology consists of comparative political analysis of various types and forms of «power» of a political actor. Relationships and connections of «hard power», «soft power», «sharp power», and «smart power» with «politics of interests» and «politics of values» are considered. As a result the author identified the main tendencies in the manifestation of the policy of «power» that has developed in world processes at the end of the «cold war», as well as substantiated the idea of «information warfare» as a technology of «sharp power», and «hybrid war» as a «smart power» technology.

Keywords: hybrid war, «hard power», information warfare, category of «power», «soft power», «sharp power», politics of interests, politics of values, «smart power».

ВВЕДЕНИЕ

Основная движущая сила «цветных революций» последних десятилетий – организованное протестное движение. Базовым механизмом мобилизации и катализатором смены неудобных кому-то режимов явилось проходящее вне контроля суверенных государств информационное и когнитивное воздействие на сознание активистов со стороны заинтересованных политических акторов Запада. В условиях глобального общества именно информационные и когнитивные технологии

являются теми действенными инструментами информационно-психологических войн, которые позволяют направленно формировать в интересах заказчика нужные ему цели, ценности и устойчивые мотивы поведения социальных групп.

Информационные войны можно рассматривать фактическим проявлением силы действующих в конфликтном социальном пространстве политических игроков, среди которых важное место занимают национальные государства. В результате новые информационные технологии применения силы субъектами мировой политики становятся в последние годы эффективными инструментами «цветных революций», которые подрывают социальный порядок и меняют политическое устройство суверенных стран. В этой связи «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации» прямо указывает на расширение масштабов применения спецслужбами ряда государств различных инструментов информационно-психологического воздействия для направленной дестабилизации социальной и внутривнутриполитической ситуации, нарушения территориальной целостности, подрыва суверенитета других государств в разных регионах мира.

Категория силы в политических процессах

Категория «сила» (power), лежащая в основе политических процессов и преобразований, является одной из важнейших категорий, исчерпывающее определение которой, ввиду сложности и противоречивости данного понятия, политологией пока не дано. В то же время категория силы является отправной точкой большинства концепций политического мышления. Так, исследуя национальный интерес, обращался к термину «сила» авторитетный американский политолог – основатель школы политического реализма Г. Моргентау [33].

Согласно формулировке другого американского политолога Р. Даля, сила есть способность одного актора принудить другого актора к таким действиям, какие он в любом другом случае не предпринимал бы [18, p. 201].

Довольно долго, понятие «сила» связывалось, как правило, только с военным фактором в политических отношениях относительно способностей субъекта выступать с достоверными угрозами либо фактически осуществлять воздействие на поведение противной стороны [24, p. 9].

Как правило, сила рассматривается как функция определенного ресурса (ресурсной базы), которым располагает субъект. Представления политологов о том, какие факторы силы следует относить к ее ресурсу, значительно различаются. Причем в качестве определяющего фактора не всегда выступает политическая характеристика субъекта, например, политическая система или политический режим. К существенным ресурсам, определяющим силовой потенциал субъекта, относят географическое положение страны, экономическую мощь, наличие природных ресурсов, уровень технологического развития и т.п.

Р. Кеохэйн и Дж. Най представили в своей статье историческую хронологию трансформации доминирующих ресурсов силы национальных государств в мировой

политике. Как пишут американские аналитики, в XVIII веке доминирующие силовые ресурсы сложились в Европе в пользу Франции благодаря ее народонаселению, территории, развитию сельского хозяйства, что послужило хорошим фундаментом для формирования французских пехотных войск. В свою очередь, индустриальные возможности XIX века сформировали ресурсы силы, обеспечившие европейское доминирование Великобритании, а позднее – Германии. К середине XX века развитие науки, особенно успехи ядерной физики, способствовало началу периода силового доминирования США и Советского Союза. В новом, XXI веке основным источником силы в самом широком смысле становятся информационные технологии [21, p. 87].

В последние десятилетия политическое понимание силы только как технологии «жесткой силы» насильственного принуждения или угрозы его применения значительно трансформировалось. В политический дискурс последних десятилетий во многом благодаря усилиям американского профессора Дж. Ная вошли термины «мягкая сила» (soft power), «умная сила» (smart power) и «острая сила» (sharp power). В отличие от «жесткой силы» (hard power), находящей воплощение в военной угрозе и экономическом давлении (кнут), «мягкая сила» прибегает к стимулированию для получения желаемого результата (пряник), в национальном масштабе она вырастает из притягательности культуры, политических идеалов и политического курса страны [30].

«Жесткая сила» и политика интересов

Основатели школы политического реализма (Г. Моргентау и А. Тейлор) рассматривали категорию «сила», исходя из анализа общепринятой практики проведения «политики с позиции силы», политики интересов. Такая политика приводила к борьбе конкурирующих акторов (в первую очередь национальных государств) за лидерство и безопасность, результатом которой было достижение определенного баланса сил [5, С. 78]. По мнению американского исследователя Р. Клайна, сила состоит в способности одного правительства принудить другое правительство к таким действиям, которые оно не сделало бы в иных обстоятельствах [17].

В качестве носителей силы могут выступать и иные субъекты внешнеполитических отношений: частные лица, транснациональные компании, общественные организации и т.п. – политические акторы, имеющие необходимые для этого ресурсы. По мнению приверженцев школы политического реализма, цель каждого субъекта политических отношений – сохранить и расширить свое жизненное пространство, и сила выступает средством достижения этой цели. Таким образом, конфликт и конкуренция составляют для реалистов основу политических отношений в мире, а модель международной политики представляет собой антагонистическую игру с нулевой суммой, когда увеличение выигрыша одного политического субъекта возможно только за счет проигрыша других игроков.

Идеи основателей школы политического реализма были усовершенствованы приверженцами направления «неореализм», которое связывают с публикацией в

1979 г. книги К. Уолтца «Теория международной политики» [36, р. 113]. Американский политолог предложил сменить концепцию баланса сил на доктрину баланса угроз, которая также позволяла бы удерживать участников от применения силы в международных отношениях. При этом в качестве решающего аргумента ключевой фактор военной силы сохранял бы свое значение, но на передний план выходил бы не обмен ядерными ударами, а ядерное устрашение. Школа неореализма по-прежнему признавала главными элементами в системе международных отношений национальные государства, однако соглашалась и с важностью для международной политики образованных ими союзов, межправительственных организаций и других межгосударственных структур.

Как у политических реалистов, так и в неореалистическом подходе ключевым фактором силы оставалось военное превосходство, хотя категория силы могла включать в себя и другие элементы. Уже сам Г. Моргентау, трактуя термин «power» только в контексте принуждения, выделял и другие источники силы национальных государств: промышленный потенциал, численность населения, национальный характер, качество государственного управления и др. [27, р. 67].

Некоторые представители реалистической школы предпринимали попытку расширенного понимания термина «сила». Так, А. Уолферс предположил, что для изменения поведения других акторов международной политики не стоит ограничиваться только методом принуждения, но также надлежит использовать убеждение как способ достижения поставленной цели [37]. Такая трактовка термина «сила» означает в понимании исследователя не только силовое принуждение, но и возможные аспекты политического влияния как инструмента политического воздействия. Именно такое толкование силы как влияния оказалось, например, присуще представителю американского истеблишмента Г. Киссинджеру: сила – это как принуждение других выполнить твою волю, так и убеждение их в пользу от выполнения твоей воли [23, р. 57].

Расширенное понимание свойственно Дж. Харту, который выделил следующие аспекты силы:

- контроль ресурсов;
- контроль акторов;
- контроль событий и результатов.

Среди главных политических субъектов силы, наряду с государствами, исследователь выделяет субнациональные, транснациональные и наднациональные организации, которые в международной повестке дня больше внимания уделяют не политическим, а экономическим целям [20, р. 305].

Свою интерпретацию силы в рамках школы политического реализма дал Р. Арон, который исследовал этот феномен не только в межгосударственных, но и во внутриобщественных отношениях. Французский ученый ввел более широкое понятие «мощь», под которым понималась способность субъекта навязать свою волю другим международным акторам [16].

Представителями школы геополитики (Ф. Ратцель, Р. Челлен, Х. Маккиндер) основными ресурсами государства и источниками его силы и власти определяются территория, природные богатства и соседство с мировыми державами. При этом другие географические области, представляющие значимый интерес с экономической и политической точки зрения, становятся целями для применения военной силы и расширения «жизненного пространства» ведущих геополитических акторов [11, 15, 26].

В условиях наступления эпохи глобализации и стремительных изменений политической системы конца прошлого века была предпринята новая попытка переосмысления сложившейся в политологии трактовки категории силы. Последователи школы структурализма предложили новый термин – «структурная сила», охватывающий все измерения, которые лежат в основе мировой экономики. Это способность реализовать четыре социальные потребности, лежащие в основе современных экономических систем: безопасность (в том числе оборонительная мощь), а также знания, производство, финансы [12, С. 87]. По мнению структуралистов, в условиях нового мирового экономического порядка не только государства, но и корпорации, транснациональные компании, даже частные лица, идеи, технологии, капиталы и т.п. становятся полноправными субъектами международных отношений. В такой мировой экономической системе правила игры на внешнеполитической арене будут задавать те акторы, сила которых наиболее полно проявляется в четырех вышеуказанных измерениях.

К концу XX века максимальную политическую силу приобрели Соединенные Штаты Америки, которые аккумулировали максимальные транснациональные ресурсы и смогли ими эффективно распоряжаться [34].

«Мягкая сила» и политика ценностей

Представители либеральной и неолиберальной школ международных отношений часто оспаривали приоритетность военного толкования категории силы, считая войну злом для человечества, которое в борьбе за ресурсы может себя уничтожить. Так в 1960-е годы сенатор У. Фулбрайт предостерегал США от политики миссионерства и абсолютизации национальной модели хозяйствования, результатом которой стало бы использование насильственных методов для достижения мирового доминирования. Сторонниками либеральной концепции силы общая картина мира представлялась совместной работой международных акторов, направленной на обеспечение безопасности и общего благоденствия. Причем основное соперничество и сотрудничество между акторами переходит, по их мнению, из сферы военной в финансово-экономическую. Таким образом, в либеральной традиции силу государства стали определять финансовые ресурсы, наука и технологии, культура и система образования. На передний план силы государства и других политических акторов стали выходить их информационные и медийные ресурсы.

Теоретической основой неолиберального институционализма стала концепция,

заложенная в работах Р. Кохейна и Д. Найема и отразившая, по их мнению, ситуацию мировой политики гораздо лучше в сравнении со школой реализма [3; 21; 22, р. 23]. Место безопасности в международных отношениях заменила неолиберальная идея интернационализации мировой экономики и экономической взаимозависимости политических субъектов. Отмечая снижение управляющей роли национальных государств в международных отношениях, неолибералы сделали ставку на транснациональные институты, способные действовать на основе взаимовыгодных договоренностей и компромиссов.

Продвижение неолиберальной идеологии международных отношений вошло в политическую практику США, которые в начале XXI века способствовали достижению максимального уровня продвижения глобализации в политические процессы, культуру, экономику, финансы и информацию. В итоге суверенитет национальных государств был существенно ограничен, а подавляющая часть мировой политической элиты добровольно стала на службу господствующему «лидеру мирового прогресса» – «либеральному Левиафану», установившему мировой порядок по-американски.

Происходящие под управлением США процессы глобализации послужили стимулом для развития теоретического обоснования стратегии дальнейшего доминирования Вашингтона в мировой системе и укрепления американского влияния во всех сферах международных отношений. Заметным шагом на этом пути стало введение в мировой политологический дискурс термина «мягкая сила» (soft power), автором которого стал Джозеф Най. В своей работе, изданной в 1990 г., американский политолог говорит об абсолютном превосходстве США по показателям военной силы и экономического могущества, а также по параметрам мягкого (несилового) влияния на международные отношения в условиях ухода мировой политики к концу прошлого века от жесткой биполярной конфронтации. Под «мягкой силой» – категорией, которая отражает такого рода мягкое влияние – ученый-политолог понимает способность добиться желаемого результата посредством добровольного участия контрагента, не прибегая к принуждению или выплатам [28, р. 258–260]. В 2004 году Дж. Най развернул положения своей концепции «мягкой силы», откорректированные с учетом международного опыта, сопоставив «жесткую силу» государства – его военную и экономическую мощь – и его «мягкую силу», которая характеризуется тремя базовыми составляющими:

- культурой (наиболее значимые духовные и материальные ценности);
- политической идеологией;
- дипломатией [30].

В своей следующей книге «Будущее власти» главный теоретик «мягкой» стратегии уточняет три основных ее источника: культура в тех регионах мира, где она является привлекательной для других народов; политические ценности, если само государство разделяет эти ценности и их же придерживается во взаимоотношениях

с другими странами; внешняя политика государства, если, по мнению других народов, она опирается на законность и правила морали [7, С. 152]. То есть подчеркивается, что «мягкая сила» – это и «влияние» (influence), и «привлекательность» (attractive power). Все те источники мягкого воздействия, которые «вдохновляют и привлекают», могут выступать ресурсами «мягкой силы», позволяя заинтересованному политическому субъекту добиваться желаемого результата. Отмечая привлекательность американского образа жизни и американской культуры, Дж. Най выделяет такие компоненты soft power, в которых Соединенные Штаты лидируют, как количество нобелевских лауреатов – граждан США, количество иностранных студентов в американских университетах, объем всемирно распространяемой фильмографии и телепродукции, иммиграционная численность.

В свою очередь, важным столпом «мягкой силы» США Дж. Най считает американскую политическую идеологию, в основе которой стоят неолиберальные ценности и ценности глобализованного мира. По мнению американского политолога, этим так называемым общечеловеческим ценностям, сложившимся по итогам холодной войны, полностью или частично симпатизирует половина населения многих стран мира.

На ряде примеров Дж. Най показал, что действие субъективного фактора во внешней политике государства может усиливать либо ослаблять эффективность «мягкой силы». Это касается, например, войны в Ираке (2003–2011 гг.), которая отрицательно повлияла на привлекательность американского имиджа в мире. А венгерские (1956 г.) и чехословацкие события (1968 г.) нанесли ущерб позитивному восприятию СССР (даже в государствах социалистического лагеря).

У «жесткой» и «мягкой силы» актора политических отношений, на основе работы Дж. Найа, имеется общее – это способность достигать поставленных целей, воздействуя на поведение других политических субъектов. Разница заключается в способах достижения необходимого результата – «жесткая сила» угрожает, принуждает и навязывает свою волю, «мягкая сила», напротив, убеждает и вовлекает в процессы согласования и сотрудничества исходя из близости или единства базовых ценностей.

Разработанная, главным образом, политологами США концепция «мягкой силы» получила широкое распространение в политическом дискурсе и практической политике многих стран мира. Всё больше государств обращаются сегодня к концепции «мягкой силы» при формулировании внешнеполитической стратегии. За пределами США политическая и социальная категория «мягкая сила» получила распространение в политологических построениях и практических инициативах, прежде всего, лидеров мировой политики: ЕЭС, КНР, Индии. Специальный комитет по «мягкой силе» и влиянию страны создан палатой лордов Великобритании.

В политическом языке Российской Федерации термин «мягкая сила» также нашел применение. В 2012 г. Президент РФ подчеркивал, что имеет смысл поду-

мать над использованием новых технологий «мягкой силы» в дипломатической работе. При этом глава государства предостерегал, что нередко Запад использует инструменты «мягкой силы» в целях коррозии общественного сознания и непосредственного воздействия на внутреннюю политику независимых государств [9, 10].

Официальное признание термин получил в «Концепции внешней политики РФ», согласно которой использование инструментов «мягкой силы» для решения внешнеполитических задач становится неотъемлемой составляющей современной международной политики.

В целом можно констатировать, что концепция «мягкой силы» нашла в последние два десятилетия широкое применение как в международной практике политической борьбы за власть и влияние, так и в политологическом дискурсе.

«Умная сила» и гибридная война

К началу XXI века США переосмыслили содержание понятия «мягкая сила» в реализации своей внешней политики. В американский политический дискурс вошел новый концепт, обозначенный термином «умная сила» (smart power). Усилия по развитию категории силы в рамках новой концепции были предприняты автором «мягкой силы» (Дж. Най) с учетом высказанной в политической науке критики прежнего подхода. Поскольку оказалось, что «мягкая сила» не является решением всех проблем, американский политолог выдвинул новый тезис, предполагающий комбинацию инструментов «жесткой силы» (понуждение и возмездие) и «мягкой силы» (убеждение и привлекательность), обеспечивая при этом способность объединения «жестких» и «мягких» ресурсов власти в успешные стратегии [31].

Таким образом, фактор «разум» (smart) выступает объединяющим началом для выбора политическим актором такого сочетания жесткой и мягкой силы воздействия, которое надежно обеспечит достижение субъектом поставленных целей в условиях текущей политической ситуации. Такая трактовка категории «сила» предоставила возможность Дж. Наю в определенной степени оправдывать американскую внешнюю политику при администрациях Дж. Буша и Б. Обамы. На самом деле причина противоречивости и непоследовательности американских геополитических кампаний последних десятилетий – в Афганистане, Ираке, Сирии и др. – была обусловлена сущностным конфликтом интересов и ценностей, реализма и либерализма, отразившимся на идеологии и практической политике демократической и республиканской партий США.

По мнению ряда политологов, используемые схемы применения американцами «умной силы» разнообразны, но выбор «жесткой» или «мягкой силы» определяется временем, отведенным для решения политической задачи [1, С. 155]. Так, если требуется получить практический результат здесь и сейчас, то используется прямое и открытое силовое принуждение. В то же время достигаемые «жесткой силой» результаты часто оказываются недолговечными, и для их сохранения необходима длительная силовая поддержка или силовое подавление противников. Примерами

могут служить военные кампании в Афганистане и Ираке.

«Мягкая сила» требует для подготовки смены режима больше времени, но результаты внешнеполитической операции – «цветной революции» – более устойчивы и могут сохраняться без поддержки военного контингента США. Примером эффективного применения технологии англосаксонской «мягкой силы» могут служить результаты «революции роз» – смены политического режима в Грузии. Вместе с тем не всегда даже самые продвинутые технологии обеспечивают достижение поставленных американской внешней политикой целей. Так, «цветные революции» «арабской весны» в Египте, Тунисе, Ливии, Йемене и ряде других стран проявляли определенные признаки управляемости только на начальных этапах. Результатом «цветных» революционных событий часто становились политический хаос и нестабильность.

Поскольку к началу XXI века действенность влияния «мягкой силы» на политические процессы стала подвергаться сомнению, больше внимания получила «умная сила», которая базируется на сочетании убеждения и притяжения с «жесткой силой» принуждения и возмездия. Как показали события на Украине и в Сирии, преследуя свои базовые интересы, западные страны часто применяют такие действия, такой вариант «умной силы», который позволяет, по их мнению, получить максимальный результат.

Феномен «умная сила» коррелируется не только с «жесткой» и «мягкой силой», но и с понятием «гибридная война», употребляемым как в современном политическом дискурсе, так и в ряде официальных документов. В частности, принятая в 2015 г. странами НАТО «Стратегия гибридных войн» предполагает тактику вмешательства в дела третьих государств без открытого применения обычных военных средств, но с использованием комбинации силовых, пропагандистских специальных операций и поддержку массовых протестных движений [8]. Для реализации поставленных целей как отдельно, так и в совокупности в гибридной войне может быть использован широкий набор разнообразных инструментов: военных, дипломатических, информационно-коммуникационных, культурных, политических, правовых, экономических и пр.

«Острая сила» и информационная война

В 2016 году вашингтонский «Центр анализа европейской политики» (СЕРА) подготовил аналитический отчет по программе, которая предусматривала проведение в странах Центральной и Восточной Европы мониторинга, направленного на сопоставление, анализ, опровержение и разоблачение так называемой российской пропаганды. В этом документе рассматриваются методы и стратегия противодействия использованию Россией информационного оружия, представляющего, по мнению западных аналитиков, серьезную угрозу для США и их европейских союзников, в особенности для «прифронтовых» по отношению к Российской Федерации государств [25].

В подготовленном американским «Национальным фондом за демократию» до-

кладе (2017 г.) также говорится о растущем в последнее десятилетие влиянии «авторитарных» держав на формирование общественного мнения и восприятие мировых процессов в демократических странах Запада. К. Уолкер и Дж. Людвиг указывают на используемый для этого инструментарий «острой силы», который включает: программы обмена людьми, межкультурную коммуникацию, образовательные программы, средства распространения массовой информации. Причем, как пишут американские аналитики, Китай и Россия, действуя «мягкой силой» в СМИ, культуре, науке, образовании и в других сферах, в наращивании своего влияния не столько опираются на привлекательность собственных национальных ценностей, сколько стремятся использовать информацию и дезинформацию в недружественных целях, манипулируя идеями, восприятием политических реалий, выборными технологиями, для дезорганизации общественной жизни западных стран. В упомянутом выше докладе утверждается, что при всем различии по форме китайский и российский подход исходят из одной идеологической модели информационной войны, которая отдает предпочтения государственной власти перед свободой личности, ставит препоны свободе выражения мнений, открытым дискуссиям и независимому мышлению [35]. Тенденциозный подход идеологов нелиберальной демократии позволяет им сделать вывод о якобы злонамеренных усилиях Китая и России по росту информационного влияния и манипулированию, создающих угрозу для открытой демократической системы. В частности, западные аналитики указывают на российские усилия информационного воздействия по дискредитации престижа и привлекательности идеи и основ демократии в США и странах Европейского союза. Отмечаются инициативы, направленные на развитие отношений с политическими элитами, лидерами мысли и другими информационными стражами демократических обществ для завоевания сторонников и нейтрализации критики своих политических режимов. В качестве сфер информационного влияния Москвы и Пекина аналитики выделяют культурную и образовательную деятельность, академическое и политическое взаимодействие, развитие медийных платформ средств массовой информации и др.

В результате переосмысления информационного ресурса силы в современных политических отношениях в начале 2018 года Дж. Най предложил новый термин – «острая сила» (*sharp power*), считая это понятие синонимом информационных войн против стран западной демократии со стороны авторитарных держав, таких как Китай и Россия. В качестве примера применения доктрины «острой силы» для дискредитации демократических процессов американский аналитик приводит информационную деятельность в странах Запада китайского агентства «Синьхуа», российских каналов «РТ» и «Спутник», вмешательство в американские выборы и т.п. Таким образом, в цитируемой статье и последующих работах Дж. Най пытается убедить в превосходстве идей нелиберализма и глобализации и противопоставляет «мягкую силу» нелиберальной демократии «острой силе», которую он приписывает только нелиберальным режимам [34].

Такая позиция видного идеолога неолиберальной демократии, по нашему мнению, необъективно отражает существующую политическую ситуацию в мире. Скорее, это проявление кризисных явлений, возникших после окончания холодной войны вследствие выбора Западом в качестве единственно «верного» и потому «всесильного» учения неолиберальной модели глобализации. Однако сегодня становится вполне очевидно, что мир, в котором мы живем, является миром с разными политическими реальностями и разными ценностными моделями. Отрицающая саму возможность признания мировым сообществом позитивными иных ценностей, чем сложившиеся в западном мире по итогам холодной войны, концепция неолиберальной глобализации отрицает, в частности, ценности государственного суверенитета, традиционные семейные ценности и т.д. Отсюда, несогласные с идеологической гегемонией неолиберализма и отстаивающие приоритет национальных ценностей государства объявляются нелиберальными и недемократическими ревизионистскими режимами, которые якобы представляют угрозу идеологической монополии Запада.

На самом деле, прежде всего, именно акторы, представляющие страны «золотого миллиарда», используют недемократические процессы, пытаясь навязать миру свою, не соответствующую императивам современной эпохи и отрицающую многообразие национальных интересов и ценностей доктрину миропорядка, основанную на всеобщем признании и сохранении идеологической догмы неолиберального глобализма [4]. На практике оказалось, что западные идеологи и политики используют неолиберальную концепцию, легитимируя свое вмешательство во внутренние дела независимых государств, осуществляя насильственное распространение демократических режимов, исходя из ложного тезиса «демократии между собой не воюют» как одного из условий наступления «вечного мира».

Оправдывая насильственные действия своей администрации, президент Джордж Буш в духе доктрины «*Rax Americana*» провозгласил Соединенные Штаты «моральной нацией», хотя даже в западном обществе справедливо сомневаются в универсальности каких-либо национальных ценностей и права государств навязывать эти ценности другим народам.

Так что сегодня именно страны западной демократии при формировании общественного мнения и восприятия политических реалий не отличаются объективностью в распространении информации, ограничивают плюрализм мнений при освещении политических событий. Проповедуя демократические ценности, западные идеологи манипулируют идеями и выборными технологиями, что, по сути, означает широкое использование методов информационной войны, соотносящихся и с новым понятием «острая сила». Собственно, об этом предупреждал еще сам Дж. Най, подчеркивая, что демократии необходимо соблюдать меры осторожности, с тем чтобы не допускать дискредитации собственной «мягкой силы» [32].

Можно констатировать, что предостережения не помогли и в арсенале приемов

информационной войны политических акторов Запада нашли практическое применение разнообразные модели «острой силы», осуществляющие информационно-психологическое воздействие на массовое сознание и стандарты поведения людей, с целью побуждения к совершению действий, не входящих в круг их интересов и жизненных устремлений. Разнообразными инструментами «острой силы» могут служить методы сокрытия существенной информации, преувеличения, преуменьшения, дезинформации, подмены понятий, ложной увязки, наклеивания ярлыков и др.

Администрация США взяла на вооружение в начале XXI века многие из этих приемов информационного воздействия, последствием которого стал приход «арабской весны» на Ближний Восток, «цветные революции» постсоветского пространства, в том числе майданы и раскол на Украине, кровавый террор ИГИЛ (организация и ее деятельность запрещенная в России), огромный поток миграции в Европу и т.д.

Тенденции политики силы в постбиполярном мире

Окончание холодной войны и исчезновение с политической карты СССР определили для США безоговорочное лидерство на мировой арене и открыли широкие возможности по переустройству мира в соответствии со своими целями и идеями. В этих условиях американские политики стали опираться на идеи, изложенные Ф. Фукуямой, провозгласившим не просто окончание холодной войны, а своего рода «конец истории», поскольку, по его мнению, в человеческом обществе установилась «либеральная демократия» как «окончательная форма правления» [19].

Увлеченным концепцией Фукуямы политикам и администрации США показалось в те годы, что идеология постлиберализма и демократии по-американски, заложенная в американских, шире в англосаксонских ценностях, имеет универсальную природу и безусловную привлекательность во всем мире и что все другие страны хотели бы становиться только такими же, как Америка. Состояние абсолютного торжества либеральных ценностей и однополярного порядка в мире позволили американской политической элите предполагать, что больше нет и угрозы мировой гегемонии США.

В начале 1990-х гг. политический истеблишмент Америки взял курс на избирательное участие в мировых процессах, что предусматривалось ежегодно представляемой конгрессу «Стратегией национальной безопасности США». Новая американская внешняя политика провозглашала такие цели, как развитие международной безопасности, открытие границ для движения капиталов и товаров, поддержка демократизации и свободного обмена информацией и идеями.

В этих условиях, сложившихся после распада СССР, американская политологическая мысль начала пересматривать и концепцию «жесткой силы», действовавшей в предшествующий период мирового двухполярного порядка. Свой взгляд на проблему перехода к новым политическим отношениям предложил и Дж. Най [29, р. 105–118]. Авторитетный американский политолог сделал акцент на «мягкой силе»

Соединенных Штатов, в основе которой лежали идеи об универсальности американской системы ценностей, привлекательности американской модели развития и недостижимый для других стран результат достижения целей политики США на протяжении всей истории своего развития. То есть концепция «мягкой силы» основана на предубеждении американского политологического дискурса, что весь остальной мир будет признавать, приветствовать и не будет противодействовать «позитивному, ненавязываемому» влиянию единственной сверхдержавы.

Таким образом, к середине 1990-х годов в основе американской политики сформировался симбиоз неолиберализма и неоконсерватизма, представляющий собой соединение идей главенства западных ценностей и глобальной демократизации, подкрепленный неограниченностью ресурсов, прежде всего, военной силы.

Однако уже к завершению XX века однополярная держава не смогла следовать своей концепции превалирования во внешней политике «мягкой силы» и начала применять военные инструменты для насильственного насаждения либеральной демократии в тех государствах, которые не могли нанести заметный ответный удар. Распространение демократии под прямым военным давлением извне осуществлялось в бывшей Югославии и завершилось в конце 1990-х годов войной НАТО под предводительством Соединенных Штатов во главе с Б. Клинтон. Балканские кровопролития под предлогом «гуманитарной интервенции» опровергли представления о «сдержанности» и «самоограничении» стран Североатлантического альянса, проявивших отнюдь не «мягкую силу». Решения администрации занявшего Белый дом в начале XXI века президента США Дж. Буша отличались чертами воинственности, бесцеремонности, напоминавшими образцы «политики большой дубинки». В 2001 году Соединенные Штаты провели военно-силовую операцию в Афганистане, а в 2003 году, несмотря на полную несостоятельность обоснования, вторглись в Ирак и уничтожили Саддама Хусейна. Затем США бесцеремонно приступили к реализации новой миссии – «демократизировать» весь Большой Ближний Восток, силой распространяя здесь «воздух свободы и толерантности».

Между тем, как рекомендовали аналитики, чтобы оправдать свою «жесткую силу», США и НАТО должны подчинять своему влиянию через «мягкие формы». Попыткой смягчения и частичного оправдания новой стратегии во внешней политике западных стран стала концепция «умной силы», введенная в политическую науку американским политическим аналитиком Дж. Наем в начале XXI века. Как способность влиять на поведение других субъектов для получения желаемых результатов «умная сила» (smart power) осуществляется по трем направлениям: принуждение, подкуп («жесткая сила») и «мягкая сила» – привлекательность (не нарушена ли логика при группировке однородных членов?) (ценностей, культуры, политики) [29, 31].

Тем не менее в XXI веке практика применения военной силы странами Запада вышла за пределы традиционной зоны ответственности НАТО. В 2011 году начались бомбардировки Ливии, когда США откликнулись на просьбу Франции

о поддержке и приняли на себя значительную долю ответственности в военной операции. В 2013 году Франция при поддержке США направила свой военный контингент в африканскую страну Мали [14, С. 314].

Наряду с грубым давлением военной силы вмешательство Запада в политические процессы суверенных государств в различных районах мира осуществлялось и через приемы информационного воздействия, относящиеся к формам и методам «мягкой силы». При участии США, Евросоюза, негосударственных акторов, осуществляющих продвижение западной идеологии, в последние десятилетия произошли массовые волнения и организованы протестные мероприятия, направленные на смену политических режимов в ряде стран. Среди них «бульдозерная революция» в Сербии (2000 г.), «цветные революции» на постсоветском пространстве (2003–2018 гг.), «арабская весна» (2011–2016 гг.), протесты в России (2011–2012 гг.), Евромайдан на Украине (2013–2014 гг.).

Усилия же России и Китая по продвижению собственных ценностей и противодействию информационным и когнитивным войнам, направленным против суверенных государств, американские аналитики интерпретировали как проявление «острой силы», вкладывая в данное понятие негативный смысл.

Однако фактически именно информационно-психологические войны Запада «корёжат психику» и «деформируют интеллект» аудитории, выбранной западными идеологами в качестве очередной цели. Оказывая даже не всегда заметное населением, значимое влияние на общественное и индивидуальное сознание и подсознание противостоящей стороны, информационные войны организуют и сопровождают острые внутривнутриполитические кризисы, напряженные политические кампании, взрывоопасные межгосударственные конфликты.

Развязывание и применение центрами либеральной демократии информационных войн как необходимого и основополагающего инструмента «острой силы» для осуществления сценариев «цветных революций» наблюдается в современной мировой политике. Так, длительная информационно-психологическая подготовка украинского общества завершилась антигосударственным переворотом Евромайдана (2014 г.), под маской информационной кампании, носящей антикоррупционный характер, произошла смена неудобного США президента в Бразилии (2016 г.), с 2017 года продолжается информационная война по обострению политической ситуации и смене национально ориентированной власти в Венесуэле.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, «острая сила» оказалась присущей как раз далеким от классического либерализма современным субъектам мирового неолиберального порядка. Именно акторы нео- и пост-либерализма осуществляют практически неограниченное и безнаказанное использование информационных ресурсов и инструментов в целях разрушения институтов суверенных государств, развязывания гражданских войн, дестабилизации регионов и мира в целом. В определенной степени можно

считать справедливым вывод профессора МГИМО Т. А. Шаклеиной о том, что введение в политический лексикон таких новых понятий силы политических акторов, как «жесткая», «мягкая», «умная» (впрочем, как и «острая сила»), призвано было лишь для камуфлирования известных форматов поведения и реализации разрушительных, дестабилизирующих внешнеполитических планов США [13].

Разрушительные и дестабилизирующие проявления всех видов силы вошли в обычную практику американской политики. Главный критерий при использовании силового потенциала – конечный результат, поэтому, если информационные и когнитивные войны не привели к достижению поставленных политических целей, применяются жесткие методы, опирающиеся на финансово-экономическую и военную мощь США [2]. Так, в 2011 г. усилиями Барака Обамы на Ближнем Востоке наступила так называемая арабская весна демократии, а мировой либеральный порядок поддерживался Западом посредством бомбардировки Ливии и последующей операции свержения ее «жестокого» лидера М. Каддафи.

Несмотря на усилия западных политологов по разработке, опирающихся на успешное использование в американской и западной политике в целом концепций «мягкой силы», остановить процессы распространения в мире «жесткой силы» не получилось. Напротив, как следует из американской стратегии национальной безопасности (2017 г.) и военной доктрины (2018 г.), Соединенные Штаты не собираются никому отдавать руководящей, мирорегулирующей роли и планируют остаться недостижимыми в доминирующем воздействии на другие страны и регионы в военной сфере и экономике.

В сложившихся условиях России, Китая, другим независимым субъектам мировой политической сцены для сохранения государственного суверенитета и целостности, для ведения активной внешней политики, завоевания авторитета в противостоянии идеологии неолиберального интернационализма, доминирующей в мировой политике, необходимо создавать собственные стратегии по формированию и использованию «мягкой силы», применяя существующий национальный потенциал.

Сегодня значение отечественной «мягкой силы» в нашей стране недооценивается, а Российская Федерация воспринимается в мире преимущественно в статусе великой военной и энергетической державы. Между тем еще в 2012 году глава государства указал на необходимость продвижения национальных интересов и устремлений на основе политики «мягкой силы» с помощью убеждения и привлечения симпатии к своей стране [9], поэтому важной задачей сегодня является формирование непредвзятого и благоприятного представления о Российской Федерации, об историческом и современном развитии государства, о содержании его внутренней и внешней политики.

Библиография/References:

1. Булавин А.В. и др. Мировая политика. Передовые рубежи и красные линии: монография. – М.: РИО Российской таможенной академии, 2018. – 456 с.
2. Воронова О., Трушин А. Современные информационные войны: стратегии, типы, методы, приемы. – М.: Аспект Пресс, 2021. – 176 с.
3. Кеохейн Р. Международные отношения: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. – М., 1999. – С. 438-450.
4. Косачев К.И. Россия и Запад: наши разногласия // Россия в глобальной политике. – 2007. – № 4. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-i-zapad-nashi-raznoglasiya/>
5. Лобанова Д. Концептуальные подходы к определению силы в международных отношениях // Международные процессы. – 2017. – Т. 15. – № 2 (49). – С. 77-88.
6. Будаев А.В., Демидов А.В. и др «Мягкая сила» в мировой политической динамике: учебно-методическое пособие. – М.: «Известия», 2015. – 207 с.
7. Най С. Джозеф (младший) Будущее власти: как стратегия умной силы меняет XXI век. – М.: АСТ, 2014. – 444 с.
8. Полунин А. НАТО: курс на гибридную войну. Что дает альянсу новая стратегия борьбы с Россией? – URL: <https://svpressa.ru/politic/article/137300/>
9. Путин В.В. Выступление на совещании послов и постоянных представителей РФ за рубежом (09.07.2012). – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15902>.
10. Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. – 2012. – 27 февраля.
11. Ратцель Ф. Народоведение. В 2-х т. – СПб: Тип. «Просвещение», 1903.
12. Роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизационном противоборстве. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016. – 306 с.
13. Шаклеина Т.А. Какая Америка нужна миру? // Международные процессы. – 2018. – Т. 16. – № 1. – С. 40-52.
14. Фридман Дж. Горячие точки. Геополитика, кризис и будущее мира. – СПб.: Питер, 2016. – 398 с.
15. Челлен Р. Государство как форма жизни / пер. со швед. М.А. Исаева. – М.: Изд-во: РОССПЭН, 2008. – 319 с.
16. Aron, Raymond (1984) Paix et guerre entre les nations. Paris: Calmann-Levy. – 794p.
17. Cline, Ray S. (1976) World power assessment: A calculus of strategic drift. - Washington: Georgetown univ. Center for strategic a. intern. studies. – 173 p.
18. Dahl, Robert A. (1957) The Concept of Power. Behavioral Science, 2:3, July, pp. 201-215.
19. Fukuyama, Francis (1989) The End of History? The National Interest, 16, (Summer), pp. 3-18.
20. Hart, Jeffrey (1976) Three approaches to the measurement of Power in international relations. International Organization, Vol. 30, 2, Spring, pp. 289 – 305.

21. Keohane, Robert O. and Joseph S. Nye (1998) Power and Interdependence in the Information Age, *Foreign Affairs*, September/October, pp. 81-94.
22. Keohane, Robert O. and Nye, Joseph S. (1977) *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. - Boston: Little, Brown and Co. – 268 p.
23. Kissinger, Henry A. (1977) *American Foreign Policy*, 3rd ed. - NY: W.W. Norton & Co. - 143 p.
24. Knorr, Klaus E. (1975) *The Power of Nations*. – NY: Basic Books. – 353 p.
25. Lucas, Edward and Pomerantsev, Peter I. (2016) *Winning the Information War: Techniques and Counter-Strategies to Russian Propaganda in Central and Eastern Europe*. - Washington: CEPA. – 70 p.
26. Mackinder, Halford J. *Democratic Ideals and Reality*. NY: Holt, 1996. – 219 p.
27. Morgenthau, Hans J. (1978) *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. 5th Edition, Revised, New York: Alfred A. Knopf. – 650 p.
28. Nye, Joseph S. (1990) *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. - NY: Basic Books. – 307 p.
29. Nye, Joseph S. (1998) *The Changing Nature of World Power / The Global Agenda. Issues and Perspectives*. - Boston: McGraw-Hill. – 498 p.
30. Nye, Joseph S. (2004) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. - NY: Public Affairs. – 208 p.
31. Nye, Joseph S. (2009) *Get Smart: Combining Hard and Soft Power*. *Foreign Affairs*, Vol. 88, No. 4, pp. 160-163.
32. Nye, Joseph S. (2018) «How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence» // URL: <https://www.foreignaffairs.com/>
33. Scheuerman, William E. (2009) *Hans Morgenthau: Realism and Beyond*. - Cambridge, UK: Polity. – 257 p.
34. Strange, S. (1989) *Toward a Theory of Transnational Empire. Approaches to World Politics for the 1990s*. - Lexington (Mass.). – Pp. 161-176.
35. Walker, Ch. and Ludwig, J. (2017) «The meaning of sharp power. How authoritarian states project influence», *Foreign Affairs*, November 16 // URL: <https://www.foreignaffairs.com/>
36. Watz, Kenneth N. (1979) *Theory of International Politics*. L.: Addison-Wesley Publishing Co. – 251 p.
37. Wolfers, Arnold. *Discord and Collaboration: Essays on International Politics*. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1962. – 283 p.
1. Bulavin, A.V. i dr. (2018) *Mirovaia politika. Peredovye rubezhi i krasnye linii: monografiia [Global politics. Leading frontiers and red lines]*. – M.: RIO Rossiiskoi tamozhennoi akademii. – 456 p. (In Russ.)
2. Voronova, O., Trushin, A. (2021) *Sovremennye informatsionnye voyny: strategii, tipy, metody, priemy [Modern information warfares: strategies, types, methods, techniques]*. – M.: Aspekt Press. – 176 p. (In Russ.)

3. Keokhein, R. (1999) Mezhdunarodnye otnosheniia: vchera i segodnia [International relations: yesterday and today] // Politicheskaia nauka: novye napravleniia [Political science: new directions]. – M. – P. 438-450. (In Russ.)
4. Kosachev, K.I. (2007) Rossiia i Zapad: nashi raznoglasiia [Russia and the west: where the differences lie] // Rossiia v global'noi politike [Russia in global affairs]. – № 4. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-i-zapad-nashi-raznoglasiya/> (In Russ.)
5. Lobanova, D. (2017) Kontseptual'nye podkhody k opredeleniiu sily v mezhdunarodnykh otnosheniakh [Conceptual approaches to the definition of strength in international relations] // Mezhdunarodnye protsessy [International processes]. – T. 15. – № 2 (49). – P. 77-88. (In Russ.)
6. Budaev, A.V., Demidov, A.V. i dr (2015) «Miagkaia sila» v mirovoi politicheskoi dinamike ["Soft power" in global political dynamics]: uchebno-metodicheskoe posobie. – M.: «Izvestiia». – 207 p. (In Russ.)
7. Nai, S. Dzhozef (mladshii) (2014) Budushchee vlasti: kak strategiiia umnoi sily meniaet XXI vek [The future of power: how smart power strategy is changing the 21st century]. – M.: AST. – 444 p. (In Russ.)
8. Polunin, A. NATO: kurs na gibridnuiu voinu. Chto daet al'iansu novaia strategiiia bor'by s Rossiei? [NATO: Course Towards Hybrid Warfare. What does the new strategy of fighting Russia give the alliance?]. – URL: <https://svpressa.ru/politic/article/137300/> (In Russ.)
9. Putin, V.V. (2012) Vystuplenie na soveshchanii poslov i postoiannykh predstavitelei RF za rubezhom [Speech at the Meeting of Ambassadors and Permanent Representatives of the Russian Federation Abroad] (09.07.2012). – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15902>. (In Russ.)
10. Putin, V.V. (2012) Rossiia i meniaiushchiisia mir [Russia and the changing world] // Moskovskie novosti [Moscow News]. – 27 fevralia. (In Russ.)
11. Rattsel', F. (1903) Narodovedenie [Ethnology]. V 2-kh t. – SPb: Tip. «Prosveshchenie». (In Russ.)
12. Rol' tekhnologii «miagkoi sily» v informatsionnom, tsennostno-mirovozzrencheskom i tsivilizatsionnom protivoborstve [The role of soft power technologies in information, value-world outlook and civilizational confrontation]. – M.: Izd-vo «Ekon-Inform», 2016. – 306 p. (In Russ.)
13. Shakleina, T.A. (2018) Kakaia Amerika nuzhna miru? [What kind of America does the world need?] // Mezhdunarodnye protsessy [International processes]. – T. 16. – № 1. – P. 40-52. (In Russ.)
14. Fridman, Dzh. (2016) Goriachie tochki. Geopolitika, krizis i budushchee mira [Hot Spots. Geopolitics, crisis and the future of the world]. – SPb.: Piter. – 398 p. (In Russ.)
15. Chellen, R. (2008) Gosudarstvo kak forma zhizni [State as a form of life] / per. so shved. M.A. Isaeva. – M.: Izd-vo: ROSSPEN. – 319 p. (In Russ.)